Судьбы

Парень из Одессы

Яков Павлович Шмидт руководил строительством Магнитогорского металлургического комбината всего шесть месяцев

Он пришёл на смену Вадиму Смольянинову. Вернее, Шмидт приехал на Магнитострой с комиссией проверять состояние дел. Смольянинов в это время находился в Америке, заключал договор с американской фирмой «Мак-Ки». Визит Шмидта стоил ему карьеры. В Магнитогорск Смольянинов больше так и не вернулся. А Шмидт после этой поездки получил назначение – возглавить стройку у Магнитной горы.

Настоящая фамилия Якова Шмидта – Гольдшмидт. Родился он в Одессе в 1897 году, в семье рабочих табачной фабрики. Первые годы его жизни прошли в крайней бедности. В 15 лет, имея за плечами всего четыре класса образования, он поступает в типографию – «мальчиком». Весь свой заработок – шесть рублей – тратит на курсы рисования и черчения. Одновременно учится в вечерней школе. В 17 лет он поступает в художественное училище, а чтобы прокормиться, работает на различных стройках. Революцию воспринимает как шанс в жизни и с головой окунается в агитацию и революционную работу. Смену фамилии и даты рождения он объяснял требованиями конспирации, когда в 1918–1919 годах был отправлен на подпольную работу в Екатеринослав и Одессу. В 20-е годы Шмидта, имеющего опыт партийной и оперативной работы, назначают на различные хозяйственные посты. Одним из таких ответственных постов стало строительство металлургического гиганта у Магнитной горы, куда Шмидт отправлен «наблюдать и отвечать».

У Якова Шмидта была привычка записывать всё, что происходило с ним в те или иные годы. «Магнитогорский дневник» он начал практически сразу, как выехал из Москвы: «От Свердловска до Магнитки продвигались со скоростью пять километров в час, затратив на 600 километров почти трое суток. На каждом полустанке поезд простаивал часами в ожидании воды, топлива, паровоза. На станции Карталы – до Магнитогорска оставалось всего 145 километров – поезд особенно долго ожидал отправления. Причина простоя заключалась в том, что начальник станции был участником художественной самодеятельности и давал в это время любительский спектакль перед жителями ближайшей деревни».

Магнитострой произвёл на московскую комиссию тягостное впечатление: бытовая неустроенность, нехватка техники и рабочей силы, жуткая текучка кадров. Оценки Шмидта и его команды были точны и безжалостны. Как, впрочем, и главный вывод: первый год стройки завершился провалом!

> Именно Шмидт первый заговорил о том, что необходимо отказаться от хозяйственного способа ведения работ, предложенного когда-то Зеленцовым. Он предлагал освободить управление строительства от несвойственных ему функций, а «специальные строительные работы поручить специальным строительным трестам и организациям»

Кроме того, он настаивал на перенесении управления Магнитостроя из Свердловска в Магнитку. Многие его замечания были осмыслены и учтены. Хотя и не сразу. Например, лишь в 1936 году ММК и трест «Магнитострой» разделились и стали самостоятельными организациями.

Сталин высоко оценил работу Якова Шмидта и уже через некоторое время предложил отправить его обратно на Магнитострой в качестве начальника. «Предчувствую, – писал Шмидт в своём дневнике, – сколько ещё волнений принесёт этот участок Магнитки». Под «этим участком» Шмидт подразумевал скрытых врагов народа. Ещё по предыдущей поездке у него сложилось мнение, что на Магнитострое их немало. А иначе чем объяснить столь плачевные результаты первого года стройки? Например, талантливого горного инженера Виталия Гассельблата Шмидт объявил «активным вредителем Магнитки». Он писал: «Гассельблат всячески боролся против успешности стройки и металлургов в окружение подобрал, соответственно, тоже из бывших и настоящих вредителей. Всё это постоянно заставляет быть начеку».

Справедливости ради стоит отметить, что Шмидт умел видеть и хорошее тоже. Вот так он описывал эпопею строительства первой плотины: «На самый важный объект назначили прибывшего из Москвы инженера Степанова – боевого, энергичного производственника. Он сумел прекрасно организовать работы на плотине, вписал одну из самых красивых страниц в историю строительства».

Кроме того, Шмидт обладал способностью реально оценивать ход событий на стройке, умел мобилизовать людей «на штурм» отдельных объектов, для чего устраивал многотысячные митинги по поводу досрочного окончания ударных объектов, на которых любил выступать с длинными зажигательными речами. Шмидт продумывал операции «трудового наступления», как продумывают атаки на фронте. Он умело сочетал их с «мирными» приёмами: ударничеством, соцсоревнованием. Кроме того, Шмидт вёл ожесточённую борьбу с врагами стройки – казаками из окрестных деревень. Он был убежден, что это они регулярно устраивают поджоги на стройке и пытаются отравить ударников. По его указанию о каждом случае вредительства стройку извещали гудки всех паровозов и мощные сирены электростанции. Возможно, такие случаи имели место быть. Но чаще аварии и поджоги происходили из-за неподготовленности крестьян к индустриальному труду. К тому же, рабочие прямо рядом со своими жилищами, располагавшимися непосредственно на промплощадке, содержали домашний скот. Это вынудило президиум Магнитогорского горсовета принять «обязательное постановление», запрещающее разведение домашнего хозяйства в пределах промплощадки.

> Чтобы сдвинуть стройку с мёртвой точки, Шмидт решил сосредоточить все людские силы и технику на возведении фундаментов под домны, плотины через Урал, коксового цеха, ЦЭС и других объектов

Пусть даже и в ущерб условиям жизни и быта рабочих. Это вызвало бурю недовольства в трудовом коллективе. В одном из выпусков газеты «Магнитогорский рабочий» за 1930 год был опубликован фельетон под названием «Одна-одинёшенька». В нём описана история женщины, которая убивает своих детей из-за того, что их отец-ударник всё время проводит на Магнитострое и не может уделять им внимание. Над фельетоном были помещены портреты двух детей, ведущих такой диалог:

– Что думает о нас «дядя Шмидт»?

– А почему ты вообще считаешь, что он о нас думает?

Вскоре руководство Шмидта стало критиковать и местное радио. Через шесть месяцев после назначения Яков Шмидт был освобождён от обязанностей начальника Магнитостроя, но освобождён с повышением. На какое-то время он становится членом Президиума и членом коллегии Совета народного хозяйства, затем возглавляет главное управление торфяной промышленности. До этого назначения Шмидт продолжал существенно влиять на положение дел в Магнитогорске. Именно он отстаивал идею строительства Соцгорода рядом с проходной завода, был инициатором создания «американских» прудов, то есть заводской системы водного снабжения. В августе 1937 года он был арестован как участник «троцкистской организации». В октябре того же года военная коллегия Верховного суда СССР признала Якова Шмидта виновным в том, что он проводил «вредительские акты в торфяной промышленности». Сразу по нескольким пунктам 58-й статьи он был приговорён к расстрелу и расстрелян в тот же день.

Юрий Андреев

Поколения

«Казачий узел»

Новые тома «Книги памяти» откроют ещё несколько тысяч имён жертв политических репрессий

Через два года исполнится сто лет со дня подписания большевистским руководством директивы о расказачивании. Нашим современникам ещё предстоит переосмыслить события тех дней. А это непросто: многие поколения советского периода выросли на идеях коммунизма.

В России до 1917 года проживало более шести миллионов казаков. В революционных событиях на начальном этапе казачество заняло нейтральную позицию. Но события развивались стремительно, и настало время выбора. «Казачий узел» большевики разрубили, объявив казаков «опорой самодержавия», «контрреволюционным сословием».

В 1919 году принято циркулярное письмо ЦК: «Признать единственно правильным самую беспощадную борьбу с верхами казачества путем поголовного их истребления. Провести беспощадный массовый террор по отношению к казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью». Мнение Ленина: «Надо поощрять энергию и массовость террора». Директива ЦК о массовом терроре положила начало расказачиванию: все казаки фактически оказывались вне закона и подлежали истреблению – если не пулей, так голодом. Приказано было не только провести полное разоружение, но и конфисковать хлеб и другие сельхозпродукты. На казачьи земли хлынули безземельные крестьяне. Под террор попало большинство казаков-уральцев.

Известны случаи таких расправ в Кизильском, Агаповском, Нагайбакском, Полтавском – ныне Карталинском районах. Есть основания говорить о массовых расправах 1920 года в станице Краснинской под Верхнеуральском. 20 октября сразу 65 краснинцев подверглись аресту. Через полтора месяца двадцать из них были расстреляны. Вечная память братьям-казакам! Из 65 человек трое не реабилитированы по сей день: Иван Аитов и Илья Мельников, приговоренные к пяти годам концлагерей, и расстрелянный Григорий Ломовцев.

Большинство из шестидесяти пяти прошли германскую или гражданскую войны. Правда, не все начинали гражданскую на стороне Красной Армии, но к моменту демобилизации входили в её состав. Грамотными не были, могли лишь расписаться. Практически все были хлеборобы. Любили землю-кормилицу, свою станицу и родной край. У всех арестованных, за исключением самого младшего, семнадцатилетнего Саши Потюкова, были семьи. После ареста глав семейств без средств к существованию остались 247 детей.

Возможно, со временем будет восстановлена справедливость в отношении многих жителей юга Челябинской области – жертв начального периода советской власти. По понятным причинам невозможно восстановить имена всех, кто репрессирован в первые годы советской власти, но мы вправе знать правду о драматичной истории Страны Советов.

При наличии финансовых средств седьмой и восьмой том «Книги памяти жертв политических репрессий в отношении жителей города Магнитогорска и прилегающих сельских районов» могут быть изданы к 9 Мая. Они откроют ещё около десяти тысяч фамилий жертв сталинского геноцида.

Информацию о книгах ищите на сайте knigi-pamyti.ucoz.ru

Геннадий Васильев